

ШУСТЕР-ШЕВЦ Г.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ИЗ ПРАСЛАВЯНСКОГО И ОСОБЕННОСТИ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Возникновение отдельных славянских языков из праславянской языковой общности всегда было центральной и вместе с тем актуальной проблемой славянского языкознания¹. Она теснейшим образом связана с определением славянского языка-основы и его историей, т. е. с изучением собственно праславянского языка, которое в последние десятилетия продвинулось вперед [4]. При этом все большее признание находит точка зрения, согласно которой праславянский язык, по крайней мере в поздний период своего развития, уже не представлял собой прочного единства. Внутренняя дифференциация праславянского языка все возрастала и в конце концов, усилившись в результате великого переселения славянских племен на запад, юго-запад, восток и северо-восток Европы в период после V—VI вв. н. э., привела к его окончательному распаду². Таким образом, развившиеся позднее славянские языки³ отделяются от собственно праславянского относительно продолжительным периодом времени в пять-шесть веков. Этого оказалось достаточно для того, чтобы в рамках позднепраславянского языка проявились значительные диалектные различия. Речь идет в первую очередь о начавшемся постепенном развитии фонологических изменений, результаты которых сказались лишь в последний период существования праславянского языка или даже в начальный период развития отдельных славянских языков. Соответствующие диалектные различия существовали также и в области морфологии и лексики, но им до сих пор уделялось меньше внимания⁴.

Трудной проблемой является хронологическая оценка инноваций в праславянском языке позднего периода. Многие исследователи относят их к сравнительно позднему времени, главным образом к периоду, следовавшему за распадом праславянской языковой общности [8]. Однако не подлежит никакому сомнению (и в пользу этого говорит также опыт диалектологических полевых исследований), что языковые изменения в целом совершаются очень медленно, в течение длительного времени. Так, при анализе изменения $*g \geq h$ неоправданно обращать внимание лишь на сам результат развития, т. е. на конкретный фарингальный h , и не отмечать также более ранние переходные фазы: начало ослабления затворной артикуляции ($g \geq g^h$) и последующее образование спиранта (γ). Подобным образом обстоит дело и с процессами деназализации $*q \geq \geq u$ и упрощения групп согласных $-dl/tl- \geq -l-$. В первом случае предвари-

¹ Ср. в особенности [1—3, 31].

² Опираясь на Т. Лер-Сплавинского [5] и Ф. П. Филина [3, с. 11], мы считаем, что собственно праславянский язык просуществовал до III в. н. э. Затем последовал период позднепраславянского языка и начало ранней эпохи существования отдельных славянских языков (IV—V вв. — X—XI вв.). В это время завершается общеславянское фонетическое развитие и формируются соответствующие позднепраславянские инновации.

³ Первые записи на отдельном славянском языке в настоящее время можно датировать IX в. (сделаны они на церковнославянском).

⁴ К вопросу о лексической дифференциации праславянского языка ср. в особенности [6, 7].

тельным этапом является повышение артикуляции носового, т. е. $*q \geq \text{ч}$, во втором — изменение слогораздела, т. е. $d'l, t'l \geq dl, tl$ [9, 10].

Невнимание к сложности и многосложности языковых (в данном случае фонологических) изменений отражается и на методологии исследования. Поскольку не признается исходное единство диалектных процессов, в них видят или более позднее параллельное развитие, или, как в случае $g \geq h$, устанавливается даже факт вторичного влияния других языков (здесь речь идет о влиянии чешского языка на верхнелужицкий) [11, с. 46; 12].

Переселение больших групп праславянского этноса сопровождалось быстрым распадом еще относительно стабильного праславянского диалектного комплекса. В результате передвижения носителей языка в новые районы первоначальные изоглоссы, сложившиеся еще в позднепраславянском языке, могли в более позднее время не всегда совпадать со старыми ареалами. Это приводило к различным диалектным смешениям и наслоениям. Так, на современной славянской языковой территории результат одного и того же диалектного развития, начало которого относится еще к позднепраславянской эпохе, часто встречается в разных местах. При этом, конечно, не исключается, что в отдельных славянских языках, со своими очень близкими в структурном отношении системами, могли возникнуть также совершенно самостоятельные параллельные, генетически друг с другом не связанные процессы. Все это свидетельствует о том, что развитие славянских языков из праславянской общности не было единым и прямолинейным процессом. Следует учитывать противоречивые, частично пересекающиеся процессы, которые могли привести к смешению старых и новых языковых явлений.

Как известно, западнославянские языки характеризуются рядом диалектных особенностей, которые, при сравнении с соответствующими явлениями в других славянских языках, можно считать праславянскими фонетическими архаизмами. К ним относятся сохранение консонантных групп $-dl/-tl-$ в середине и конце слова, а также отсутствие палатализации веларных взрывных g и k в сочетаниях $*g\ddot{v}-, k\ddot{v}-$ перед гласными переднего ряда $\acute{e}$ и i ($\leq$ и.-е. $*oi, *ai$). Исключение в развитии групп $-dl/-tl-$ представляет нижнелужицкий язык: в западной части его распространения (как и в среднесловацком) часто наблюдается упрощение типа $-dl->-l$, например, $buli\acute{s} \leq bydl\acute{i}s$ «жить», $j\acute{e}zd\acute{z}ilo \leq j\acute{e}zd\acute{z}idlo$ «лодочная пристань на Шпреевальде», $katub \leq kadlub$, «колода», $k\acute{s}ilo, \leq k\acute{s}idlo$ «рыло», $rat\acute{o} \leq radlo$ «плуг, соха», название урочища $seli\acute{s}\acute{c}o \leq sedli\acute{s}\acute{c}o$, $wi\acute{l}y \leq widly$ «вилы», $\acute{z}r\acute{e}to \leq \acute{z}r\acute{e}dlo$ «источник» и т. д.⁵ Для группы $-tl-$ соответствующие примеры отсутствуют, но следует принять во внимание зап.-луж. диал. $powrjaskto$ «перевясло» [13, карта 45] наряду с общим н.-луж. $powrjasto \leq *poverstlo$, см. в.-луж. $powrjestlo$ с тем же значением. Нижнелужицкий литературный язык демонстрирует в середине и конце слова только $-dl/-tl-$, но в центральных и восточных диалектах в начале слова часто выступает $gl-/kl-$ [$gl\acute{u}jki \leq dl\acute{u}jki$ «длинный», $gla \leq dla$ предлог «для, из-за», $zamgle\acute{c} \leq zamdle\acute{c}$ «ослабеть» (перевод Нового завета Якубицы 1548 г.), $klusty \leq tlusty$ «толстый», $klocy\acute{s} \leq tlocy\acute{s}$ «давить» и т. д.] [15]. Нельзя упускать из виду и своего рода параллели подобному развитию в северо-западнорусских диалектах⁶. Характерному для этих диалектов цоканью в нижнелужицком соответствует замена s для $*\acute{c}$ (ср.: $cysty$ «чистый», cas «время», $cart$ «черт» и т. д.). Что касается праслав. $*g\ddot{v}-/*k\ddot{v}-$ в начале слова, то серболужицкий остается здесь в русле общезападнославянского развития (ср. в.-луж. $k\acute{c}\acute{e}\acute{s} \leq *kv\acute{e}t\acute{e}ti$ «цвести», $kv\acute{e}tka$ «цветок», н.-луж. $kwi\acute{s}\acute{e}$ «цвести», в.-луж. $hw\acute{e}zda$, н.-луж. $gw\acute{e}zda$ «звезда»). Исключением является лишь в.-луж. $\acute{c}w\acute{e}la$, диал. $\acute{c}wila$ «мучение, мука», в вост.-н.-луж. памятнике Якубицы находим $swil$ ж. р. с этим же значением и $swili\acute{s}$ наряду с $kwi\acute{l}i\acute{s}$ «мучить» [16], но благодаря ономато-

⁵ К вопросу о распространении этого явления в нижнелужицком языке см. [13, 14].

⁶ Соответствующую литературу см. в [3, с. 256—267, 272—278].

поэтическому характеру этот пример лишь условно можно привлекать в качестве доказательства. В связи с этим интересно, что группа **kú* в неизменном виде достоверно отмечается в восточнославянских языках (прежде всего в украинском, но также и в центральных русских диалектах).

Как и рассмотренные выше два диалектных явления позднеславянского языка, развивалось и сочетание лабиальный + *l'* энтетикум, возникшее благодаря смягчающему воздействию *j* (русс. *земля*, серб.-хорв. *zemlja*), причем болгаро-македонский (за исключением тех др.-болг. диалектов, на основе которых возник др.-церковнославянский) вместе с западнотлавянскими языками демонстрирует только *m + j*. Исключения наблюдаются в отдельных западнотлавянских языках (ср. каш.-словинск. *grable* «грабли», *konoplěna*, *k^honopl*, *k^hónopla* «конопля», великопольск. диал. *grobła*, др.-польск. *grobja*, н.-луж. *grobła*, зап.-луж. диал. *gropa* $\leq$ *grobja*, в.-луж. *hrjebja* «ров, канава», словац. диал. *hrable*)⁷.

Сходное направление изоглосс обнаруживается и в следующих явлениях: 1) стяжение **-ojr* $\geq$ *o* в твор. ед. ж. р. *a*-основ (др.-ц.-слав. *rokojo*, русск. *рукóй/рукóю*, польск. *reka*, в.-луж., н.-луж. *z ruku*)⁸; 2) различные результаты 2-й палатализации **ch + ě* (вост.-южн.-слав. *s'*, зап.-слав. *š*) и 3) стабилизация ударения на первом слоге в развившихся позднее западнотлавянских языках [18]. Исключение снова образует поморско-кашубская группа, где вплоть до исторического периода сохранилось первоначальное состояние или остатки его (свободное или подвижное ударение)⁹.

Менее отчетливо группировка праславянских диалектов отражена в развитии праславянских сочетаний **dj*, **tj*. Единые результаты характеризуют только восточнославянские (*ž* $\leq$ *dž*, *č*) и западнотлавянские языки (*dz*, *z* $\leq$ *dz*, *c*), в южнославянских результаты были различными (болг. *žd*, *št*, макед. *g*, *k'*, серб.-хорв. *dž*, *č*, словен. *j*, *č*), но очень близкими восточнославянскому (если исходить из предположения метатезы *dž*, *tš* $\geq$ *žd*, *št*)¹⁰.

Этим диалектным различиям, как бы представляющим деление праславянского языка по вертикали, соответствуют изофоны позднеславянского периода, которые делят праславянский язык по горизонтали [2, с. 96]. Это прежде всего различные результаты метатезы в сочетаниях **orT*, **olt*: *roT*, *loT* (при первоначальной циркумфлексной интонации), *raT*, *laT* (при первоначальной акутовой интонации) в тех праславянских диалектах, из которых позднее развились восточно- и западнотлавянские языки, при соответственно *raT*, *laT* (без различий в интонации) в развившихся позднее южнославянских языках; образование корреляции по твердости—мягкости в северо-западнотлавянских языках (в восточных и западнотлавянских языках), но не в южнославянских. Однако и здесь в обеих группах языков снова можно наблюдать интересные отклонения. Укажем на многочисленные исключения с *ro-* вместо ожидаемого *ra-* в среднеболгарском и современных родопских диалектах [22; 23, с. 39—40] и наряду с этим формы с *ra-* не только в словацком, но и в соседних моравских диалектах собственно чешского языка [23, с. 40]. В этой связи примечательно чешское название Эльбы — *Laba* (в.-луж. *Łobjo*, н.-луж. *Łobje* $\leq$ *Albis*), где также отражено **olt*. Подобные исключения существуют и в области корреляции по твердости—мягкости, ср. наблюдаемую в болгарском языке палатализацию согласных перед **a* $\leq$ **ĕ*, **ĕ* (*бръг*, *мляко*, *орях*) и перед **-j* (*земя*), в диалектах также и перед дру-

⁷ Ср. в [17] также слово *grob*, но без указания рода.

⁸ На этом фоне обращают на себя внимание серболужицкие нестяженные окончания в ед. ч. прилагательных ж.р. типа *dobreje* (род. п.), *z dobrej(u)* (твор. п.), которые, несомненно, представляют собой славянские архаизмы: ср. польск. *dobrej*, *dobrzą*, чешск. *dobré*, *dobrou*, но русск. *новой*, *хорошей*, укр. *доброю*, *синьою*.

⁹ О состоянии дискуссии по этому вопросу см. [19, 20].

¹⁰ В пользу развития болгарских групп *št*, *žd* из праслав. *č*, *dž* высказался недавно И. Гылыбов [21]. Правда, он несколько иначе объясняет особое развитие в болгарском языке, а именно совпадением ареала *č*, *žd* с областью распространения серб.-хорв. *č*.

гими передними гласными и в конце слова ¹¹. Напротив, более поздние процессы депалатализации в украинском, чешско-словацком, в верхне- и нижнелужицком языках (здесь только $*c', *s', *z' \geq c, s, z$) едва ли следует отделять от собственно южнославянского процесса депалатализации.

Описанные диалектные позднепраславянские процессы относятся к первым четким проявлениям дифференциации праславянского языка. Они дают возможность говорить о диалектном членении праславянской области этого периода на два больших ареала (юго-восточный — северо-западный или южный — северный) и предполагать существование еще относительно замкнутого и территориально ограниченного района расселения ¹².

Однако различные отклонения, отмеченные в отдельных славянских языках, свидетельствуют о том, что праславянские диалекты — предшественники этих языков, вероятно, имели несколько иное окружение, чем то, о котором известно в более позднее историческое время. Можно предположить, что пра- или протолужицкий первоначально занимал территорию ближе к центру или юго-востоку праславянской области, а точнее — вблизи тех праславянских диалектов, для которых характерны изменения $dl \geq l$ и более сильная тенденция к депалатализации первоначально мягких согласных. Связь, существовавшая между позднепраславянскими диалектами — предшественниками серболужицкого языка — и центральной или юго-восточной частью праславянского языка, подтверждается, по нашему мнению, падежным окончанием $*-omъ$, свойственным современным верхне- и нижнелужицкому (в.-луж. н.-луж. *z wjelkom, ze synom*), а также личным окончанием 1-го л. мн. ч. $-mo$; последнее сохранилось здесь в виде остатков и обычно отмечается в украинском и сербскохорватском ¹³.

Центральное или юго-восточное положение праславянских диалектов — предшественников серболужицкого языка — сохранялось, очевидно, еще в то время, когда начал распространяться ряд новых позднепраславянских инноваций: 1) подъем артикуляции носового ρ , т. е. $*\rho \geq \upsilon$; 2) понижение артикуляции $*\epsilon \geq \ddot{a}$; 3) сужение $*\check{e} \geq i\acute{e}$; 4) образование фрикативного $g \geq \gamma$ ¹⁴; 5) тенденция к лабиализации в связи

¹¹ Ср. [2, с. 90]. В этой связи следует обратить внимание еще и на наличие префикса $*y-$ в древнеболгарских памятниках письменности и в болгарских диалектах.

¹² Соответственное графическое изображение данного пучка изоглосс представлено на обзорной карте А. Фурдала [2], где учтены инновации праславянского языка позднего периода.

¹³ В верхнелужицком языке $-mo$ сохранилось как вторичное окончание дв. ч.: *smój* «мы оба существуем», *dzěłamoj* «мы оба работаем». Оно заменило праслав. $-vě$ (в.-луж. $-wi, -wje$), которое в единичных случаях засвидетельствовано в древнем верхнелужицком [25, с. 506]. Тот же процесс происходил и в нижнелужицком, но здесь в дв. ч. появляется $-me$ (а не $-mo$) — *smej žěławej*. Присоединение $-j$ (ср. также в.-луж. *dwaј* «два») служит для различия дв. ч. и мн. ч. Следовательно, надо предположить, что в древнелужицком во мн. ч. конкурировало между собой несколько окончаний (в.-луж. $-mo$ и $-my$; н.-луж. $-me$ и $-my$). Позднее (благодаря вытеснению $-mo$ или $-me$ из мн. ч. в дв. ч.) эта конкуренция была устранена. Несостоятельным оказывается предположение, согласно которому в.-луж. окончания дв. ч. указывают на первоначальные диалектные формы с лабиализованным y после лабиальных. Оно опровергается тем, что $-moј/-mój$ выступают уже в древних текстах, в которых еще не отмечено изменение лабиального $+y \geq \delta/o$ (ср. [26]), а также тем, что форма с $-o$ известна в нижнелужицком языке более раннего периода (Гауптман). Для вост.-н.-луж. первоначальное мн. ч. $-me$ засвидетельствовано еще в переводе Нового завета Якубицы (1548 г.). В пользу вторичного происхождения окончания $-moј$ из $-my$ высказались Ф. Михалк [27, с. 470 и сл.] и Р. Летч [28].

¹⁴ Неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой изменение $g \geq \gamma$ в западнославянских языках не могло произойти раньше XII или XIII вв., так как др.-луж., и др.-чеш. того времени указывают на первоначальное g (ср. в.-луж. *Gōda* — *Hodzij*, 1006 castellum Godobi). Но при этом не учитывается, что в ранних записях речь идет об особенностях латинской или немецкой передачи славянского звука. Ни латинский, ни (древне-, средне-) верхне немецкий не имели в своей фонологической системе фонематического соответствия позднепраславянскому γ . Поэтому при его передаче автоматически использовался наиболее близкий ему звонкий g . То же наблюдается и при передаче начального слав. $ch-$. В топонимах, представленных в немецкой или латинской передаче, он обозначается только с помощью k (= c) [ср. многочислен-

с развитием $*\check{r} \geq \check{r}^0$; 6) сокращение первоначально долгих гласных под древней акутовой интонацией; 7) формирование первой ступени ассимиляции $\check{r} \geq \check{r}^{\check{r}}$ и 8) передвижение билабиального $*\check{u}$ в лабиодентальный ряд (v)¹⁵.

И эти инновации должны были возникнуть в период, предшествовавший окончательному распаду праславянской языковой общности. Но по своему распространению они уже четко отличаются от рассмотренных выше диалектных процессов, что, по моему мнению, непосредственно свидетельствует об усилившейся теперь дифференциации праславянского языка. Возникшие таким образом в позднепраславянский период диалектные зоны¹⁶ являются своего рода переходной ступенью между более древними вертикальными и горизонтальными членениями праславянского языка, с одной стороны, и формирующимися впоследствии диалектными ареалами отдельных языков, с другой. Так, инновации 1, 2, 3 (см. выше) касаются тех позднепраславянских диалектов, из которых (помимо серболужицкого) развились прежде всего восточнославянские, чешско-словацкий, а если учитывать и $*\check{z}$, то и сербскохорватский; образование фрикативного $*g \geq \gamma$ имеет отношение к диалектам — предшественникам юго-восточных славянских диалектов, чешского, словацкого и частично словенского. Подобное же направление изофон обнаруживается в связи с процессами лабиализации редуцированного гласного, сохранением старых долгот под акутом (в.-луж., чешск., вост.-слав.), с билабиальной артикуляцией $\check{u}$ (серб.-луж., укр., словац., словен.) и отсутствием процесса сибилантизации $*\check{r}$ (вост.-слав., ю.-слав., словац., серб.-луж.)¹⁷. О том, что в древности могла существовать связь пралужицкого с праукраинским, свидетельствуют, по моему мнению, в.-луж. — укр. соответствия в области заместительной долготы гласного (ср. в.-луж. *nōs*, -osa, укр. *nis*, -osa $\leq *nōs\check{r} \leq *nōs\check{u}$; в.-луж. *wōz*, -oza, укр. *viz*, -oza $\leq *vōz\check{r} \leq vōz\check{u}$; в.-луж. *pěc*, -'ecy, укр. *pič*, -ečy $\leq *pěktj\check{r} \leq *pěktj\check{u}$; в.-луж. *měd*, -'edu, укр. *mid*, -edu $\leq *mēd\check{r} \leq med\check{u}$ и т. д.). В обоих языках заместительное удлинение возможно во всех позициях независимо от характера следующего согласного (в отличие от польского языка, где оно выступает в основном перед звонкими согласными) [23, с. 53].

В процессе дальнейшей дифференциации позднепраславянского совершалось постепенное выделение праславянских диалектов. Об этом прежде всего свидетельствует славянская метатеза плавных, результаты которой указывают на более тесную связь серболужицкого языка с протопольским (общее развитие праслав. сочетаний $*TorT$, $*TolT \geq TroT$, $TloT$; $TelT$, $TerT \geq TleT$, $TreT$)¹⁸, а также умлаут, идентичный с лехитским $*\check{u}r(\check{r}) + T \geq *r(\check{r})$ (в.-луж. *porst* $\leq *p\check{r}st\check{r} \leq *p\check{r}st\check{u}$) и $*\check{u}l(l) + T \geq *r(l)$ (в.-луж. *połny*, н.-луж. *połny*, *pałny* $\leq *p\check{r}ln\check{r} \leq$

ные названия, имеющие в своем составе *kollm*: *Schwarzkollm* (1411 *Collmen*), р-н Хойерсверда, *Collm* (1222 *Chulme*, 1284 *Kolmen*, *Colmen*), р-н Халле]. Однако никто не сомневается в существовании фонемы *ch* в древнелужицком.

¹⁵ В настоящее время билабиальная артикуляция, кроме серболужицкого, где она выступает во всех позициях, известна также в украинском, среднесловацком и словенском языках.

¹⁶ См. об этом в [9].

¹⁷ Ср.: в.-луж. *rjad*, н.-луж. *rěd* «ряд», в.-луж., н.-луж. *morjo* «море», в.-луж. *porjer*, н.-луж. *perjer* «перец», *wjerba* «верба».

¹⁸ К вопросу об отличии между серболужицким и польским языками в развитии группы $TelT$ после $\check{c}$, $\check{s}$, $\check{z}$ (в.-луж. *čolok*, *žlob*) см., в частности, [12, с. 360]. В связи с метатезой плавных было высказано сомнение в том, что этот процесс не мог иметь места ранее VII—VIII вв., так как в областях более позднего западнославянского заселения засвидетельствованы еще именные формы без метатезы в группах $TorT/TolT$ и $TerT/TelT$, см. [23; 29]; ср. также др.-луж. имя *Dervanus dux gente Surbiorum* (631/632). Но и в этом случае следовало бы привлечь во внимание более древние предшествующие или промежуточные этапы. Соплемя на различные результаты воздействия шва: польск.-луж. $*TorT \geq *Tor\check{r}T \geq *TorT (\geq TroT)$, $*TolT \geq *Tol\check{r}T \geq *TolT (\geq TloT)$, $*TerT \geq *Ter\check{r}T \geq *TerT (\geq TreT)$, $*TelT \geq *Tel\check{r}T \geq *TelT (\geq TleT)$, но ю.-слав. и чешск.-словац.: $*Tor\check{r}T$, $*Tol\check{r}T$, $*Tor\check{r}T$, $*Tol\check{r}T \geq *T\check{r}orT$, $*T\check{r}olT$, $*TerT$, $*TelT (\geq TraT, TlaT, Tr\check{e}T, Tl\check{e}T)$, вост.-слав. $*Tor\check{r}T$, $*Tol\check{r}T$, $*Ter\check{r}T$, $*Tel\check{r}T (\geq Toro\check{r}, ToloT, TereT, TeleT)$, полаб., поморск. и в бывших славянских топонимах Греции: $*TorT$, $*TolT \geq *Tor\check{r}T$, $*Tol\check{r}T \geq *T\check{r}orT$, $*T\check{r}olT (\geq TarT, TalT)$.

≤ **polnъ*); образование исходной фазы ассимиляции **d'*, **t'* ≥ в.-луж. *dž. ě* (*dzěd, ěeta*), н.-луж. *ž(dž), ś(ċ)* (*žěd, śota* «дед, тетя») и *ř* (после *k, p, t*) ~ в.-луж. *ř* (*š*) (*křivъ* «кривой», *při* «при», *tři* «три»), н.-луж. *ś* (*kšivъ, pši, tši*)¹⁹, а также повышение артикуляции праслав. долгих гласных: от *ē, ō* соответственно к *ě ≥ ě, ō ≥ ó* (в.-луж. *měd*, н.-луж. *žrědŭ*, в.-луж. *hród, brózdā*, н.-луж. диал. *brūzdā*). Но часто упоминаемый в этой связи умлаут **e ≥ 'o*²⁰ не тождествен в обоих диалектных комплексах: в польском языке этот процесс последовательно осуществляется только перед твердыми зубными согласными, в серболужицком — также и перед другими непалатальными согласными и в конце слова. Кроме того, есть многочисленные примеры, и прежде всего в верхнелужицком, когда умлаут **e ≥ 'o* отсутствует (в.-луж. *ċeta* «тетя», *wčera* «вчера» и т. д.). Этот факт доказывает, что в серболужицком (особенно в верхнелужицком) данный процесс обусловлен скорее всего не депалатализирующим влиянием последующего согласного (как в польском языке), а более сильной тенденцией к лабиализации, которая предполагается в основе звука *e* (подобно тому, как это имеет место в восточнославянском) [2, с. 76].

Что же касается более точной хронологии серболужицко-польских соответствий, унаследованных из позднепраславянского языка, то они могли появиться только тогда, когда уже произошло расщепление праслав. фонемы **ě* на два варианта — с широкой артикуляцией (типа **ä*) и с узкой артикуляцией (типа *i^ε*). Различные результаты этого процесса в серболужицком и польском языках свидетельствуют об отсутствии какого-либо тесного контакта между обоими праславянскими диалектными комплексами как до начала, так и во время процесса. В этот период развития позднепраславянского языка прапольский (пралехитский) находился, вероятно, в более тесном контакте с праславянскими предшественниками будущего восточноболгарского, для которого также следует предположить широкую артикуляцию праслав. **ě*²¹. Напротив, прасерболужицкий располагался в то время еще вблизи юго-восточной или центральной праславянской диалектной зоны. Вывод следует из анализа развития **q ≥ ɥ* и **g ≥ ɣ*: такое развитие известно только в серболужицком и отсутствует в польском. Параллельно данному отделению прасерболужицкого и прапольского происходит процесс вычленения из праславянского языка более позднего восточнославянского (*ToroT, ToloT, TereT, TeleT*) и южнославянского [последний пока еще находился в единстве с предшественниками чешского и словацкого (*TraT, TlaT, TrēT, TlēT*)]. Возможно, что к этому времени относится и ослабление вокального элемента в сочетаниях с плавными **T^hrT, *T^hrT, *T^hlT, *T^hlT* и, как следствие — возникновение чистых слоговых плавных в южнославянском и частично также в чешско-словацком (*ɣ, ě, ĭ, ĭ*).

В восточнославянском же и в серболужицко-лехитской области происходит усиление вокального элемента, так что позднее здесь развились самостоятельные гласные (в соответствии с результатами вокализации **ĕ/*ĕ*) [36].

Из предшествующих рассуждений становится ясным, что праславянские диалекты, из которых позднее развился серболужицкий язык (верхне- и нижнелужицкий), уже в позднепраславянском языке пережили очень сложный процесс дифференциации и кристаллизации. В ходе его они сначала соприкасались с предшественниками южно-восточнославянского, к которому в то время в известной степени относились также прото-

¹⁹ К вопросу об ассимиляции *t', d'* в славянских языках см. также [30].

²⁰ Ср. [31; 32, с. 17—19]. Штибер ссылается на переходный (польско-полабский) характер нижнелужицкого процесса, при этом чем дальше на восток, тем ярче проявляются польские черты (депалатализация **e ≥ 'o* преимущественно перед переднеязычными согласными).

²¹ Ср. [23, с. 31]. Различие между польско-полабским и восточноболгарским заключается лишь в разной дистрибуции умлаута *ě ≥ 'a*: в восточноболгарском он имел место, главным образом, в ударном слоге и перед твердыми согласными; в польско-полабском — только перед твердыми переднеязычными согласными. О болгарском см. [33]. Особое положение болгарского языка в южнославянском отмечалось уже неоднократно; см. [34, 35].

чешский и протословацкий, а только позднее возникли контакты с прапольским.

Едва ли можно говорить об особой западнославянской диалектной группе (как, впрочем, и южнославянской) как промежуточном звене между праславянским и более поздними собственно западнославянскими языками. То же самое касается и идеи о лехитско-серболужицком языковом единстве. Ее в разное время выдвигали Розвадовский, Ташицкий, Штибер, Налеп²². Следует признать существование лишь трех диалектных комплексов, связанных некоторыми общими, более древними праславянскими изоглоссами. Каждый из этих комплексов пережил относительно самостоятельный процесс кристаллизации и при этом соприкасался также с различными позднепраславянскими диалектными ареалами. Речь идет о следующих диалектных комплексах: 1) проточешском и протословацком, связанных в древности с южной диалектной зоной позднепраславянского языка (позднее сербохорватский и словенский), 2) пралехитском (польско-поморском), связанном с теми позднепраславянскими диалектами, из которых развился болгарский язык и частично также словенский и сербохорватский (ранее сокращение древних долгот под акутовой интонацией в польском языке, лабиализация $*TelT \geq TolT$, веляризация $*TyIT \geq TyIT$ и смешение обоих редуцированных в полабском); 3) серболужицком, присоединяющемся в древности к центральным и юго-восточным частям позднепраславянского языка (предшественникам украинского, чешского и словацкого), а позднее также связанном и с южнолехитским (польским).

Дальнейшее формирование отдельных западнославянских языков происходило после завершения Великого переселения народов в новые исторические районы. Это — особая проблема, которая в данной статье затрагивается только в связи с судьбой серболужицкого языка²³.

Однако прежде чем мы обратимся к этому специальному комплексу вопросов, необходимо кратко остановиться на некоторых археологических и исторических данных, которые более подробно освещают вопрос о возникновении западнославянских групп племен. Особое значение имеют при этом новейшие достижения в области археологии, с помощью которых удалось доказать, что в рассматриваемый нами период времени существовали более тесные связи между доисторическими культурами на разных территориях: между Эльбой и Заале, с одной стороны, и богемской котловиной, связанной с юго-восточной Европой, с другой. Речь идет, прежде всего, о доказательстве продвижения керамики пражского типа вдоль Эльбы на север в район Заале и среднего течения Эльбы [40—42]. Очевидно, здесь впервые археологам удалось зафиксировать следы миграционного потока древнелужицких племен из юго-восточной Европы²⁴. В очень актуальной и в наше время работе Э. Муки [44] лужицкий лингвист смог показать, что древнелужицкие диалекты, характеризующиеся

позднепраславянскими инновациями $*\rho \geq \upsilon \geq u$, $*\epsilon \geq \ddot{a} \xrightarrow{\text{'a}} \text{'e}$, $*TorT$, $*TolT \geq TroT$, $TloT$ и $*TyIT$, $*TyIT \geq TolT$, $TorT$, в средние века были распространены на территории, которая на востоке простиралась до течения рек Бобер (польск. Bóbr), Квейс (польск. Kwisa) и Одер (польск. Odra), на севере — до окрестностей Берлина (Кёпеник, Потсдам), а на западе выходила за пределы р. Заале. Славянские племена, поселившиеся на этой территории в VI—VII вв., стали известны под общим этническим названием *Sorbe* (лат. *Surb, Surp, Sorb, Sorab*) или *Serb* (в.-луж., н.-луж. *Serb*, в хронике Козьмы Пражского XII в.: *Zribia*)²⁵.

²² Литературу по этому вопросу см., в частности, в [36, с. 85—88; 37, с. 136, 143].

²³ Ср., кроме уже указанных статей [24, 31, 32], также и [38, 39].

²⁴ При этом мы исходим из того, что ближе к истине находятся те исследователи, которые локализируют прародину славян в районе между Карпатами и Днестром (на севере она, вероятно, достигала южной части современной Польши); ср. [3, с. 11; 43 и др.].

²⁵ Формы с гласным *-u/-o-* распространены только на западе др.-луж. языков в области и засвидетельствованы с VII в. («dux ex gente Surbiorum»); форма с гласным *-e-* появляется лишь в собственно Лужице и употребляется как этническое самоназвание лужицких сербов; в письменных источниках оно отмечается с 1548 г.

Оно возникло в праславянском языке и по происхождению идентично названию балканских сербов.

Если справедливо предположение о юго-восточном происхождении лужицких племен, то можно допустить, что древнелужицкие племена в течение, вероятно, не длительного времени населяли также богемскую котловину (они пришли сюда до собственно чешских племен или вместе с ними). В таком случае следующий фрагмент из известного трактата византийского императора Константина Багрянородного «De administrando imperio» (945—949) надо рассматривать, вероятно, как указание на промежуточную остановку древнелужицких племен в богемской котловине: «Необходимо знать, что сербы (имеются в виду балканские сербы. — *Ш.-Ш. Г.*) происходят от некрещеных (сербов), называемых также белыми. Они селятся за землей турок (имеются в виду венгры. — *Ш.-Ш. Г.*), в стране, которую они сами называют Боики, таким образом, они граничат как с франками, так и с некрещеными велико- или белохорватами. Именно там с самого начала жили также те сербы, которые с давних пор были некрещеными»²⁶. Упоминание о соседстве франков и Великой Хорватии позволяет предположить, что «некрещенные сербы», т. е. древний более крупный комплекс племен, к которому первоначально должны были относиться как северные, так и южные сербы, располагались в богемском бассейне. В раннем средневековье действительно упоминалось древнечешское племя хорватов, жившее в этом районе и родственное сербам [47]. В таком случае название *Боики* (Вотки), упоминаемое Багрянородным, было бы неточной передачей древнего дославянского названия земли *Bohemia* (*Boemia*, *Voichetum*). Однако другие исследователи хотели бы видеть здесь название племени *бойков*, т. е. тех западноукраинских групп населения, которые с XV в. населяли районы восточных Карпат [48, 49]. Окончательно решить этот вопрос трудно. Но, по-видимому, общая праславянская этническая группа сербов/сербов (как и хорватов) распалась очень рано — еще перед вступлением на территорию богемского бассейна или непосредственного после него²⁷. В пользу этого предположения говорят такие веские лингвистические аргументы, как отличия в развитии праславянских групп **TorT*, **TerT*, **TolT*, **TelT* и **TьlT*, **TьlT*, **TьrT*, **TьrT*.

Доказательством предполагаемой промежуточной стоянки древнелужицких племен в богемском бассейне можно считать и достоверные данные из области древнелужицкой топонимии южных предгорий лужицкого и северо-богемского горных массивов²⁸.

Далее следует указать на появление в северо-восточных чешских диалектах билабиального *ц* (что уже раньше связывалось с влиянием серболужицкого), а также некоторых других черт, напоминающих серболужицкие [52, 53]. Маловероятно, чтобы часть серболужицкого населения проникла в эту местность в более позднее время из собственно серболужицких районов поселений, расположенных к северу от труднодоступных горных цепей. Серболужицкий этнос в этой северобогемской области лишь позднее был ассимилирован пришедшими сюда чешскими племенами, а затем подвергся германизации²⁹.

К числу первых достоверных сведений о сербах, населявших район к северу от горной цепи, относится известное сообщение франкского хрониста Фредегара 631—632 гг.: «*Dervanus dux gente Surbiorum, que ex genere Sclavinorum erant et ad regnum Francorum iam olem aspexerant, se ad regnum Samonem cum suis tradidit*» («Дерванус, вождь серболужицких племен, славянских по происхождению и издавна находя-

²⁶ Последнее критическое издание см. [45]; см. также [46, с. 142].

²⁷ В этой связи интерес представляют и исторически доказанные факты, свидетельствующие о пребывании хорватов и, вероятно, также и сербов в бассейне Вислы.

²⁸ Соответствующую мысль высказал уже Э. Эйхлер в [50]; ср. также [51].

²⁹ Указание на наличие серболужицкого элемента в этническом составе населения северной Богемии содержится в Прологе к чешской легенде о Людмиле. Согласно ей, св. Людмила была лужицкого происхождения: она являлась дочерью Славибора, комиса крепости Пшов в северной Богемии. Отсюда делается вывод, что племя пшован первоначально относилось к сербам. О литературе см. в [54, 55].

шихся под господством франков, покорился со своими подданными государю Само») [46, с. 145].

Это сообщение свидетельствует о том, что древнелужицкие племена, переселившиеся с юга, должны были войти в область между Эльбой и Заале не позднее, чем около 600 г. Первоначальный диалектный тип, носителями которого были эти племена, теперь уже трудно реконструировать, так как в средние века он был ассимилирован немецким языком. Ограниченное значение имеют, однако, и толкования многочисленных дошедших до нас древнелужицких топонимов и микротопонимов [56, 57]. Их фонетический облик в основном соответствует тому диалектному типу, который распространен в Лужице. При этом, как отмечал еще Э. Мука, уже на древнелужицкой языковой территории более или менее четко выделяются две части — южное и северное крыло.

Для южной части характерна (наряду с названными выше фонетическими процессами $*r \geq u$, $*\xi \geq \dot{a}$, $*TorT \geq TroT$ и т. д.) более сильная концентрация топонимов патронимического типа на $*-ici$ [58] и отсутствие $w(u)$ -привука перед o - и u - [59, с. 91]. Топонимы типа *Wolkow*, *Wolkenitz*, *Liebertwolkwitz* ($\leq *v\dot{u}lk\ddot{u}$ «волк»), *Worbsk*, *Wurbiske* ($\leq *v\ddot{u}rba$ «верба») и, вероятно, также формы имени *Sorbe* (*Surb*, *Sorb*)³⁰, засвидетельствованные в области к западу от Эльбы, являются доказательством того, что здесь, как и в полабском, первоначальные сочетания $*T\dot{u}lT \geq *T\dot{u}lT$ ($\geq TolT$) и $*T\ddot{u}rT \geq *T\ddot{u}rT$ ($\geq TorT$) подверглись изменению (лабиализации). В серболужицком языке, распространенном к востоку от Эльбы, известно только *wjelk* и *wjerba* [ср. топонимы *Wjelkow* — *Welka* (р-н Бауцен) и *Wjerbno* — *Werben* (р-н Коттбус)].

Кроме того, топонимические исследования подтверждают, что в западной области существуют особые типы топонимов, которые на востоке³¹ или вообще неизвестны или существование которых невозможно с уверенностью доказать.

Решающим для выяснения языкового родства серболужицкого языка остается, естественно, лингвистический анализ обоих серболужицких языков (в Верхней и Нижней Лужицах), засвидетельствованных в памятниках, начиная с XVI в. Материал по диалектологии и истории языка³², который в полном объеме стал известен лишь в последние десятилетия, позволил внести в ряде случаев интересные уточнения и поправки в существовавшие до сих пор знания в этой области. При этом прежде всего заслуживает внимания следующий факт: серболужицкая языковая область как целое не только разделяется на собственно верхне- и нижнелужицкую благодаря хорошо известным из прежней литературы горизонтальным пучкам изоглосс [32, 2], но и пронизана многими древними изоглоссами по вертикали в юго-северо-западном направлениях. Для этих вертикальных изоглосс характерна ступенчатая структура, причем с востока можно наблюдать наращивание восточнолехитских (польских) диалектных черт, а с севера — западнолехитских (полабских). Этот лингвогеографический феномен наводит на предположение, что миграционная волна собственно древнелужицких племен, распространявшаяся с запада, натолкнулась здесь на встречную волну или на уже существовавший лехитский субстрат, продвинувшийся с севера, востока или юго-востока, и при этом частично с ним смешалась. Особенно ясно это видно на территории Нижней Лужицы, где четко проявляются лехитские (польские и полабские) влияния [37, с. 143—145]. Мы даже были бы готовы утверждать, что специфика нижнелужицкого языка, его истори-

³⁰ Ср. [60] со следующими двумя топонимами, где отражена депалатализация $*T\ddot{u}rT > *TorT$: *Mortitz* (1260) $\leq *m\ddot{u}rt$ «мертвый» и *Purtin* (973), *Portin* (1121) $\leq *p\ddot{u}rt$ - (ср. чешск. *prt* «охотничья тропа»). Для названия *Sorb* можно было бы на основе лехитской формы *Sarb* (ср. польск. топоним *Sarbiewo*) установить и первоначальную форму $*S\ddot{u}rb\ddot{u}$ (с редуцированным гласным заднего ряда). Следует также обратить внимание на появление формы *Sorb* в древнем сербскохорватском [ср. название древнебоснийского епископства *Sorbulia/Serbulia* (1022)] и на форму *Surbia* (с u) «Сербия» в хронике сербского попа Дуклянина.

³¹ См. [61, 62], а также критику этих работ в [63].

³² См. прежде всего [64, 65].

чески возникающая языковая система, являются результатом именно этого первоначального серболужицко-лехитского диалектного смешения. Таким образом, современные исторически засвидетельствованные верхне- и нижнелужицкие языки являлись бы в прямом смысле лишь бывшей восточной или северо-восточной периферией основной древнелужицкой области периода средневековья. Только так можно убедительно объяснить противоречия и непоследовательности в развитии нижнелужицких диалектов, которые часто приводили к различиям в интерпретациях. Такое фонетическое явление, как подъем артикуляции $*\varrho \geq \zeta, \geq u$, мы рассматриваем как собственно инновацию позднепраславянского периода, которая продвинулась очень далеко на север и восток ³³. Изофоны

**e* $\geq$ *ä* $\begin{matrix} \rightarrow 'a \\ \rightarrow 'e \end{matrix}$ первоначально пересек здесь границу между собственно верхне- и нижнелужицким и распространился в северо-западном направлении³⁴. Следующие факты указывают на явное западно- или восточно-лехитское (полабско-польское) влияние: 1) различная вокализация **o* в *a*, прежде всего на западе собственно нижнелужицкого языка, и в *e* — в центре и в восточно-нижнелужицком (ср. *baz* : *bez* $\geq$ **bʰzʰ* «сирень», *packa*: *pecka* $\leq$ **pʰtj-ʰka* «фруктовая косточка», *rapjer*: *repjer* $\leq$ **pʰrʰrʰ*, р. ед. **pʰrʰʰa* «перец» $\leq$ **pʰrʰrʰ* и т. д.); 2) изменение **TʰlT* а) после дентальных в *tlut* в собственно нижнелужицком (*dlug* «долг», *dlutki* «длинный», *tlusty* «толстый») или в *TolT* на западе или северо-западе теперь уже ассимилированных районов Нижней Лужицы (топоним *Dollgen*, р-н Люббен, *Dolgen*, р-н Либенверда, *Dolgenbrod*, р-н Люббен и название водоема *Dolgensee*), б) после лабиальных — в *TolT* (*połkaś* $\leq$ **pʰłkati* «стирать, полоскать», *połny* $\leq$ **pʰłnʰ* $\leq$ **pʰlnʰ*, *wołma* $\leq$ **vʰlna* $\leq$ **vʰlna* «волна» на юго-западе собственно нижнелужицкого или в *TatT* в центре и на северо-западе (*palkaś*, *pałny*, *wałma/walna*) и в *TelT* на востоке (*pelkaś*, *pelkaś*, *pełny*, *welna*), в) после велярных — в *TjatT* ($\leq$ *TʰälT*)/*Talt* (н.-луж. диал. *kjalbas* $\leq$ **kʰälbas* $\leq$ **kʰlbas* «колбаса», более древнее н.-луж. *kałp* $\leq$ **kʰlʰp* «лебедь» и 3) изменение **Tʰrt* в *TärT* $\rightarrow$ *TerT* (н.-луж. $\rightarrow$ *TarT* *tergaś*, зап. *targaś* $\leq$ **tʰrgati* «рвать», *zerno* $\leq$ **zʰrno* $\leq$ **zʰrno* «зерно», *sarna* $\leq$ **sʰrna* $\leq$ **sʰrna* «косуля»).

³³ Ср. также [66 и др.].

мецкой передаче имеют, как правило, -or-, а в н.-луж. выступают с -ar-, ср. такие примеры, как *Skjabošć* — *Schorbus*, р-н Коттбус (1346/1495: *Schorbis*, 1350 *Scorbus*) ≤ **skъrbъ* (ср. русск. *скорбь*), *Zarnow* — *Sorno*, р-н Финстервальде (1346/1495: *Sornow*) ≤ **žьrnovъ* (**žьrno* «жернов»), *Storkow*, районный центр на севере Нижней Лужицы (1209 *Slurkiuowe*, 1336 *Storgkow*) ≤ **Stъrkovъ* (ср. в.-луж. *storkaś*, н.-луж. *starkaś* «толкать»), *Tornow* — *Tarnow*, р-н Калау (1346/1495: *Tornaw*) ≤ **Тъrnovъ* (**Тъrnъ* «колючка, терн»), *Tornitz* — *Tarnojask*, р-н Калау (1438: *Tornuwicz*, 1524 *Tornitz*) ≤ **Тъrn(v)ici*, *Zschorno* — *Carna*, р-н Шпремберг ≤ **Čьrna* (**čьrnъ* «черный»). Последовательная замена праслав. группы **ТъrT* группой *TorT* в немецких топонимах позволяет сделать вывод о более древней юго-восточной диалектной основе позднепраславянского происхождения (в.-луж. диалектный тип). Лишь позднее на ней образовался нижнелужицко-лехитский слой.

Западнолехитское (полабское) влияние обнаруживается в нижнелужицком языке в связи с процессом вокализации **ь* (широкое произношение типа *ъä*) в 'e('ä) + непалатальный консонант -'a (н.-луж. *lan* ≤ *l'än* ≤ *l'ânъ* «лён», *pjas* ≤ *p'äs* ≤ **pъāsъ* «собака», *wjas* ≤ *w'äs* ≤ **vъāsъ* «деревня» и т. п.).

Другими примерами схождения в этой области древнелужицких и лехитских диалектных особенностей являются следующие:

1) Широкая артикуляция праслав. **ě*, которая устанавливается для нижнелужицкого языка в отличие от верхнелужицкого. Она обнаруживается в таких примерах, как н.-луж. *cety* ≤ **cělъ* «целый», *seno* ≤ **сѣно* «сено», *mjasec* ≤ *mēsēc* ≤ **měsēcъ* «месяц», диал. *mjałki* ≤ *mělki* ≤ **mělkъkъ* «плоский, мелкий», *klaška* ≤ *klešъka* ≤ **klěšъka* «деревянная игла для плетения сетей» и т. д. В собственно верхнелужицком, а также в западных нижнелужицких диалектах в позиции после *c*, *s*, *z* употребляется исключительно *y* (*cyty*, *zupo*, *zyba*). Поэтому здесь, как и в верхнелужицком, следует сделать вывод о более узком характере артикуляции рефлекса **ě* [59, с. 39]. **ě* с широкой артикуляцией типа 'e находился в основе приведенных выше форм с умлаутом 'e + *K* ≥ 'a (*mjasec*, *mjałki*, *klaška*). В этой связи следует также обратить внимание на современный н.-луж. диал. 'e в таких случаях, как *mer* «мир», *gledas* «глядеть», *gńezdo* «гнездо», *leto* «год» и т. д. [67].

2) Для собственно нижнелужицкого языка характерен более слабый характер билабиального **v*, чем в верхнелужицком ³⁵. На это указывает ассимиляция *chv* ≥ *j*, sporadически встречающаяся в нижнелужицком (ср. н.-луж. *suřaśoś* ≤ *suchwaśoś* «тщеславие, щегольство, суетность», *fojca* ≤ *chwojca* «сосна», диал. *fila* ≤ *chvila* «некоторое время», *fołuj* ≤ *chwołuj* ≤ *chołuj* «плуг» [69].

3) Аффриката *dz(z)* ≤ **dj*, подтверждаемая древними источниками, ср. у Якубицы (1548): *mosydz* (*mossica* р. ед.) ≤ **mosędjъ* «латунь», *gucydz* (*riczitz* и. ед., *ricziza* р. ед.) ≤ **rętedjъ* «цепь»; Вольфенбюттельская псалтырь XV в.: *mosadz* (*mossatz*) ≤ **mosędjъ*, *rješadz* (*rěschatze* и. мн.) ≤ **rętedjъ*.

4) Побочное ударение на предпоследнем слоге, распространяющееся с востока на запад (*zakopo'wanje* «похороны, погребение», *smu choj'žili* «мы ходили», диал. *jězdźito* «лодочная пристань на Шпреевальде», *so'byta* ≤ **sobóta* «суббота», *topyřiśco* ≤ *topóriśco* «топорище» и т. д. [32, с. 2].

5) Сосуществование двух форм вопросительного местоимения «что»: *co* ≤ 'čьso (в центре и на востоке собственно нижнелужицкого) и *sto* ≤ *čьto, более древнего, распространенного в западных диалектах (калавский и бывший люббенский) ³⁶. Местоимение *što* встречается в верхнелужицком, как и в восточно- и южнославянских языках, в в.-луж. после предлогов также *čo* (*na čo*) ≤ *čьso.

³⁵ О лабиодентальной артикуляции н.-луж. *v* ср. [68, с. 27; 13, с. 31].

³⁶ Ср. также [70]; о распространении с.-луж. форм. *što/sto* см. [71, т. 2, с. 532; 14, карта 57].

6) Сосуществование в нижнелужицком местоименных основ *teb-/tob-* (*z tebu : z tobu*, тв. ед., как в в.-луж. *z tobu* наряду с *tebje* р. ед., *tebi* д. ед., *wo tebi* м. ед.).

7) Окончание т. ед. м.р., ср. р. *-em* ($\leq *-\text{ьтѣ}$) (в бывшем вост.-н.-луж. диалекте Якубицы) наряду с обычным н.-луж. *-om* ($\leq *-\text{омѣ}$); в д. мн. всех родов также противопоставлены *-om* (Якубица) и *-am* (собственно н.-луж.).

8) Возможно противопоставление падежных окончаний прилагательных и местоимений типа н.-луж. литер. *-ogo/-ego* наряду с диал. и более древним *-og/-eg* (*tog, jog, doberg, stareg*) в соответствии с н.-луж. литер. *togo, doberg* и более древним в.-луж. *toh, dobroh*.

Подобное тесное взаимодействие лехитских и собственно серболужицких элементов можно наблюдать и в области лексики. При этом распространение изолексов, в основе которых лежат лексемы, четко связанные с югом и юго-востоком славянской языковой территории, опять-таки ограничено в основном верхнелужицким и западной периферией собственно нижнелужицкого языка. Изолексы же, связанные с лехитской (польской) диалектной территорией, распространены только в вост.-нижнелужицком. Ср. такие примеры, как н.-луж. диал. (зап.) *huše* ($*\text{otę}$), *hušica* ($*\text{otica}$) «утка» наряду с обычным н.-луж. *kacka*, в.-луж. *kačka* (ср. русск. *утка*, укр. *утиця*, серб.-хорв. *utva*); н.-луж. диал. (зап.), в.-луж. *zerja* «утренняя зоря», в.-луж. *zernička* «утренняя звезда» наряду с собственным н.-луж. *zorja* (ср. укр. *зорниця*, *зірниця* наряду с диал. *зерниця*); н.-луж. диал. (зап.) *nurkaś se* «нырять, погружаться» наряду с собственным н.-луж. *nurkaś se* (ср. польск. *nurzyć, norzyć się* наряду с русск. *нырять*, укр. *ниркати*), н.-луж., в.-луж. *derje* (более древнее *debrje*) наречие «хорошо» наряду с вост.-н.-луж. *dobrje* (ср. польск. *dobrze*, но др.-ц.-слав. *debrěje*); н.-луж. *žurja*, в.-луж. *durje*, «дверь» наряду с вост.-н.-луж. *drwi, dwérja* (ср. польск. *drzwi*, но словен. *duri*); собственным н.-луж. *d'lymoki* «глубокий», у Якубицы *dlyboki*, в.-луж. более древнее *hlyboki*, диал. *lóboki* $\leq$ *hlyboki* $\leq$ $*\text{glybokъ}$ (ср. польск. *głęboki*, но серб.-хорв. *duboki*, болг. *дълбок*, укр. *глибокий*); собственным н.-луж. *strowy* «здоровый» наряду с вост.-н.-луж. *zdrowy* (Якубица, 1548) (ср. польск. *zdrowy*, но др.-русс. *сторовъ*); н.-луж. *jaskolica, jaskolicka* наряду с в.-луж. *lastojca, lastojčka* «ласточка» (ср. польск. *jaskółka*, но русск. *ласточка*, серб.-хорв. *lastovica*); н.-луж. *jaduś* «прерывистое тяжелое дыхание», наряду с укр. *ядуха* с тем же значением; н.-луж. *mil, wodna mil* «стрелолоист», *Sagittaria sagittifolia* L.»; частуха или водяной подорожник, *Alisma plantago aquatica* L.» наряду с белорусск. диал. *милица* «камыш», тростник, *Scirpus* L.» «камышовая трость», н.-луж. *šprjeńc* «осколок стекла, заноза, шифер, колючка, жало» наряду с укр. диал. *спінь* «острый конец шпинделя» и др.

Лехитское влияние особенно ясно выражено в вост.-н.-луж. (т. е. в бывших диалектах к востоку от Нейсы), ср.: 1) сохранение праслав. консонантной группы *-str-*: *sostra* «сестра», *wostry* «острый», *struga* «ручей, рукав реки» (также в слепянском и мужаковском диалектах) наряду с собственным н.-луж. *sośša, tšuga, wotšy*, в.-луж. *sotra, wótry*; 2) умлауты $*\text{ě} + T \geq 'a$ и $*\text{ę} + T \geq 'o \geq u \geq 'y \geq 'u$ [*džad* $\leq$ $*\text{dēdъ}$ «супруг», муж», *klatka* $\leq$ *klētka* «клетка», *gwjazzka* $\leq$ $*\text{gvēzdzka}$ «рождественский сочельник», *pjask* $\leq$ $*\text{pēsčkъ}$ «песок», *susad* $\leq$ $*\text{spsēdъ}$ «сосед», топоним *Podźałki* ($\leq$ $*\text{podēlъ-ky}$), *lato* $\leq$ $*\text{lēto}$ «год»; *mjuso* $\leq$ $*\text{mēsō}$ «мясо», *custo* $\leq$ $*\text{često}$ «часто» и т. д.]; 3) вокализация $*T\text{ь}rT \geq TarT$ (*gardy* $\leq$ $*\text{gьrdъ}$ «гордый», *skaržyc* $\leq$ $*\text{skьrziti}$ «жаловаться»).

Взаимодействие вост.-н.-луж. и зап.-польск. диалектов было, возможно здесь и позднее, т. е. до германизации этой вост.-н.-луж. области в XVI—XVII вв. В отдельных случаях с.-луж. влияние на зап.-польск. диалекты сказывалось также в обратном направлении, т. е. и за пределами распространения изофоны $*\text{o} \geq \text{y} \geq u$ — крайний восточной границы собственно с.-луж. Так, например, на крайнем западе собственно польской языковой области (Хвалим, Крамско, Подмокла) встречаются такие черты, общие с серболужицким, как р. ед. указательного местоимения *tyg* $\leq$ *teg*, отсутствие лабиализации у *a* $\leq$ $*\text{ā}$ (*trawa, pan*) в проти-

воположность обычному польск. диал. *trąwa, pąn*, личное окончание 1-го л. мн. чл. *-te* на месте обычного польск. *-my* [72] и лексический сорабизм *waska* «червь» (ср. н.-луж. *waka, wacka*). Заслуживает внимания и тот факт, что польских жителей названных населенных пунктов их немецкие соседи называли вендами, т. е. так же, как и собственно лужицкое население Лужицы [73].

Восточно-западная изоглоссная ступень, отчетливо выделяющаяся на нижнелужицкой языковой территории, на территории распространения верхнелужицкого языка проявляется менее четко. Вероятно, на бывшей земле милчан (Milčani) собственно серб.-луж. диал. тип с самого начала проявился сильнее и поэтому здесь, в отличие от области древних лужичан (Lužici, Lužičani) лексическое влияние было слабым. Самыми важными из проходящих здесь серб.-луж. изоглоссы являются следующие:

1) Употребление падежных форм местоимений и прилагательных на *-oho, -omi* (католический вариант в.-луж. литературного языка, зап.-в.-луж. диалекты) наряду с формами на *-eho, -emi* (протестантский вариант в.-луж. литературного языка, вост.-в.-луж. диалекты) ³⁷. Собственно н.-луж. язык имеет *-ogo, -omi* (окончания местоимений) наряду с *-ego, -emi* (окончания прилагательных); в вост.-н.-луж., как и в польском, — *-ego, -emi* (ср. русск., укр. *ого, -ому*, чешск. *-oho, -omi, -eho, -emi*, но польск. только *-ego, -emi*).

2) Первоначальное окончание мн. ч. *-mo*, перенесенное в в.-луж. в дв. ч.: (ср. *smój* < **js-mo* + *j* «мы оба существуем»; *wěrimoj* < **věri-mo-j* «мы оба верим») наряду с обычным окончанием мн. ч. *-my* (*smu, wěrimu*), ср. польск. *-my*, но укр., серб.-хорв. *-mo*. Окончание дв. ч. *-moj*, характерное для в.-луж. языка, могло употребляться у личных местоимений также и в зап.-н.-луж. люббенском диалекте (ср. *moj/mej* «мы оба» в [75]).

3) Употребление глагольных форм на *-li* при согласовании с формами мн. ч. существительных любого рода (*mužoj/zony/džěci su zpěwali* «мужчины, женщины, дети пели») на западе и севере в.-луж. языковой территории, в то время как в центральной и восточной части (бауценский, лёбауский диалекты) наблюдается противопоставление личных и неличных форм м. р. на *-li* и *-le*. И в этом случае зап.-в.-луж. диалект соответствует собственно нижнелужицкому [76].

4) Сильная тенденция к лабиализации *'e* (< **e, *ь, *ę*), которую можно наблюдать в западной и центральной части верхнелужицкого, ср. *jo* < *jest* в 3-м л. ед. ч., *johla* < **jegla* «игла», *daloko* < **daleko* «далеко», *zbožo* < **sъbožьje* «счастье», *spěwanjo* < **zъpěvanьje* «пение», *so* < **se* «себя», *přeco* < **perd-se* «всегда», *zaso* < **za-se* «снова», *džo* < **jъdetъ* 3-е л. ед. ч., (*w*) *čora* «вчера», < **včera, zwěrjo* < **zvěře* «животное, зверь», *brjoh* < **bergъ* «берег», *wrjós, ~'osa* < **vers* «вереск», *žona* < **zena* «женщина» и т. д. наряду с вост. *je, jehla, zbože, spēwanje, se* (Варихий, 1597, А. Френцель, 1730), *přesu, zasy, dže, wčera, brěh, -eha, brěš, -'esa, žena* (Варихий, 1597). Подобное развитие свойственно также собственно нижнелужицкому, но с особой дистрибуцией звука *'o* (< **e*). Как и в польском, он последовательно выступает здесь перед твердым зубным согласным (ср. н.-луж. *šota* «тетя», *šćodru* «щедрый», *cora* «вчера», *srjoda* «среда», *warjonu* «вареный» ³⁸, но в.-луж. *četa, šćedru, wčera, srjeda, warjenu*).

В ряде случаев процесс изменения *'e* > *'o* охватывает также и праслав. **ě*: в.-луж., н.-луж. *džowka/žowka* < **děwka* «служанка», в.-луж. *susod* <

³⁷ Ср. [25, с. 422—426]. Основой католического варианта в.-луж. литературного языка являются зап. в.-луж. диалекты, протестантского варианта в.-луж. литературного языка — вост. бауценский или горный диалект. В современном бауценском диалекте употребляется преимущественно стяженная форма р.п. на *-o* (*dobro*), но в отдельных случаях также еще встречается *-eho*, в д.п. — почти исключительно *-emi* (*dobremu*), ср. в частности, [74].

³⁸ Исключение представляет лишь западная периферия нижнелужицкого, где изменение *'e* > *'o* осуществляется менее последовательно, ср. в бывшем люббенском диалекте *med* [71, т. 1, с. 893] и в ветошовском диалекте: *сѣру* и мн. ч. «черешки, обломки», *сѣво* «кишка», *srjeda* «среда», *дѣпену* пассивное причастие «крещеный» (ср. [13, с. 90—91]).

**sqsěd* «сосед», в.-луж. *zowjerje* мн. ч. «марево» $\leq$ *sěverь*, в.-луж. *puklot* $\leq$ **poklět* «скворечник», «лачуга», в.-луж. *přilopk* $\leq$ **pri-lěpъkъ* «выдвижной ящик (стола)», в.-луж., н.-луж. диал. *chlow* $\leq$ **chlěvъ* «хлев», собственное имя *Swótlík* $\leq$ *Swětlik*, в.-луж. *swětlo* «свет» и т. д.³⁹.

5) Вероятно, тенденция к лабиализации праслав. **y* после губных консонантов; первоначально это имеет место только на западе верхнелужицкого (как и на крайнем западе собственно нижнелужицкого), ср.: в.-луж. *móc* $\leq$ *myc* «мыть», диал. *wósoki* $\leq$ *wysoki* «высокий», н.-луж. литер. *wusoki* (*husoki*) $\leq$ *wysoki*, зап. диал. *buliš* $\leq$ *bydliš* «жить», *dlumoki* $\leq$ *dlymoki* «глубокий» [2, с. 83—84].

6) В некоторых случаях можно отметить отклонения в процессе вокализации праслав. **ę*, т. е., как и в собственно н.-луж. **ę* $\geq$ *ě(y)*: *zyba* $\leq$ **zēba* «зяблик», *wozybać/wozabać* $\leq$ **o-zēbati* «мерзнуть» (ср. польск. *oziębiać* sie «охлаждаться, остывать»); *knjez* «господин» $\leq$ **kъnędzъ*, *pjenjez* $\leq$ **pенędzъ* «деньги», у Варихия также *swěty* $\leq$ **swęty* «святой»⁴⁰; топоним *Welećin* — *Wilten*, р-н Бауцен (1222 *Welintin*). Ср. в зап.-н.-луж. обратное развитие **ę* $\geq$ 'a (*mjesac*, *rjar*).

7) Праслав. глагольный суффикс *-*no* выступает как -*ny-* $\leq$ *-*nū-* (в.-луж. *hasnyć* «гасить», *padnyć* «падать», *zběhnyć* **zdvignyti* «поднимать»), ср. словенск. *kreniti* «управлять, направлять», *obrniti* «поворачивать», *dvigniti* «поднимать», полабск. *vátákněť/vátáknęti* «втыкать, всовывать», польск. диал. (силезск.) *kj'itnyć/kj'itnuć* «цвести». Суффикс -*ny-* первоначально был известен только зап.-в.-луж. диалектам, на востоке и в собственно н.-луж. выступает -*ni-* $\leq$ *-*no-* [78].

Из лексических изоглосс следует назвать следующие: в.-луж. зап. *plować* $\leq$ *plěwać* ($\leq$ **pl'uvati*) «плавать, плыть»⁴¹, в собственно н.-луж. также *plěš*, *plěwaš*, более древнее *pluwaš* ($\leq$ **pl'uti*, -*vati*)⁴², ср. с вост.-в.-луж. *pluwać* $\leq$ *plywać* (ср. польск. *plywać* $\leq$ **plyvati*), в.-луж. наречие *bóle* «больше» (ср. русск. *более*), в н.-луж. оно неизвестно: есть только синоним *wěsej*; в.-луж. *hrjebja* «ров, канава, запруда» (ср. укр. гребля «дерево, плотина»; серб.-хорв. *gréblja* «ямка в земле»), но н.-луж. *grobła* (польск. *grobła*) с тем же значением; устар. в.-луж. *běbr* «бобр» (ср. др.-русс. *бебръ*, словен. *bebr*), но н.-луж. *bobr* (польск. *bóbr*); в.-луж. *wow(k)a* «бабушка» (укр. более древнее *вова* детск. «все страшное; бука») $\leq$ **ovā* (лат. *avia*, гот. *ovā*) наряду с н.-луж. диал. *baba*, *stara tama* «то же», в.-луж. *kuzło/*kózło* (*kózlować*) «колдовство, чары» (чешск. *kouzlo* с тем же значением, русск. *кузлó* «кузнечная работа») наряду с н.-луж. *gusliś* «колдовать» (ср. польск. *gusły* «колдовать»); в.-луж. *slōnco* ($\leq$ **solnъce*) «солнце» наряду с н.-луж. *sluńco*, диал. и более древнее *sluńco* ($\leq$ **sylnъce*), (ср. польск. *stońco*, чешск. *slunce*, русск., укр. *солнце*); в.-луж. *boran* наряду с н.-луж. *baran* (ср. др.-русс. *боран*, польск. *baran*); в.-луж. *porst* «палец» (ср. чешск. *prst*), но н.-луж. *palc*; в.-луж. *jakny* «крепкий, сильный» (ср. серб.-хорв. *jak*, словен. *jak* «сильный»), в.-луж. *wuheń*, н.-луж. *wugeń* «кузнечный горн», «дымовая труба» наряду со словен. диал. *vigenj* «кузнечный горн, кузница» (**vugnъ*); в.-луж. *zelić* ($\leq$ *zolić*) «громко проклинать» наряду со словен. диал. *zoliti* «кричать, шуметь», в.-луж. *trać*, н.-луж. *traś* «продолжаться» наряду с серб.-хорв., словен. *trajati* с тем же значением и др.

При анализе серболужицких языковых черт юго-восточного происхождения следует учитывать также и морфологические особенности. Необходимо было бы обратить внимание на такие факты, как: 1) синкретизм падежных окончаний дв. ч. [-*ma(j)*] в д., тв., м. (*žonomaј*, *mižomaј*); 2) отсутствие морфологической категории личности в нижнелужицком и в сев.-зап. диалектах верхнелужицкого: особенно структура в. мн., равного

³⁹ О параллельном характере развития 'e $\geq$ 'o в серб.-хорв. и вост.-слав. см. [2, с. 76].

⁴⁰ Ср. [77, с. 31]: «праслав. *ę* у Варихия отражено различными звуками — от открытого *a* до закрытого *e*».

⁴¹ Форма *plować* (с -*l-*), приведенная в в.-луж. словарях Пфуля, Резака, Краля и Якубаша, не отражает действительного произношения ее в диалектах и свидетельствует о влиянии в.-луж. *pluwać*.

⁴² Об изолексе *pluwać/plěwaš/plować* см. также [27, с. 170].

и. мн. или р. мн. ср. такие случаи, как н.-луж. *wižim susedy, tam pśijašele*, но в.-луж. *widžu susodow, tam přebelow* ⁴³ [78] и 3) может быть, также отсутствие особой формы зв. п. в нижнелужицком. Но однозначное решение в этом, как и в указанных выше примерах, принять трудно, так как следует учесть и возможность более поздних типологических соответствий.

Лингвогеографические связи, сложившиеся при описанном выше серболужицко-лехитском языковом взаимодействии, неоднородны по характеру. Так, первоначальная оппозиция суффиксального элемента *-ew-* (после мягких основ) и *-ow-* (после твердых) в собственно нижнелужицком (ср. *kowaleju, konjeju — cłowješkoju, synoju*) указывает на существование древних диалектных связей нижнелужицкого с великопольским; а суффиксальный элемент *-ow-*, который в верхнелужицком и вост.-н.-луж. слепянском диалекте выступает также и после мягких основ, свидетельствует о связях верхнелужицкого и слепянского диалекта с малопольско-силезской диалектной территорией [79]. Следует сослаться и на стяженные основы притяжательных местоимений типа *meho, sweho, tweho*; они известны в др.-в.-луж. языке и имеют параллели только на юге польской территории и в чешском языке. О связях с кашубским и древним северо-польским говорит характерное для нижнелужицкого выравнивание парадигмы существительных на **-ьсь* (н.-луж. *końś*, в.-луж. *końś* «конец»), **-ъкъ*, **ькъ* (в.-луж., н.-луж. *domk* «домик»), и **-ьсъ* (н.-луж., в.-луж. *wows* «овес»). В верхнелужицком здесь обнаруживается ряд исключений (*statok* «местожительство, небольшое владение», *swjatok* «конец рабочего дня», *holćes* «мальчик», древнее *wóćes* «отец» (в библейском смысле), теперь только *wótc* с тем же значением).

В результате представленного здесь столкновения двух различных позднепраславянских потоков миграции в последующие века получили развитие две основные серболужицкие диалектные области: к северу от Лужицкой голи (в районе исторической Нижней Лужицы) — собственно нижнелужицкая (первоначально диалект древних лужичан) и на юг от нее собственно верхнелужицкая (первоначально диалект мильчан). При этом, как уже отмечалось, наибольшим изменениям серболужицкий диалектный тип (центр. или юго-вост. праслав. происхождения) подвергся в нижнелужицком, где лехитский (польско-поморский) элемент мог наверняка одержать верх благодаря сильному притоку славянского населения в этот район с севера, востока или с юго-востока.

Предпринятая в данной статье попытка более точного стратиграфического анализа праславянского языка, основанного на дифференцированной (в том числе и в области хронологии) оценке отдельных позднепраславянских диалектных явлений, как нам кажется, позволяет точнее, чем до сих пор, охарактеризовать сложный языковой процесс вычленения западнославянских языков (в данном случае особое внимание уделено серболужицкому) и одновременно лучше соотнести его с результатами археологических исследований и изучения истории древних поселений [80] ⁴⁴. Последние указывают на связи древнелужицких племен с юго-восточной территорией славянской прародины.

В то же время оказывается, что ни в коем случае нельзя ограничивать «собственно древнелужицкую языковую область» районом между «Заале и Мульде (вероятно, также и средним течением Эльбы)» и что нельзя лишь на этой территории искать «первоначальную область средневекового заселения лужицких сербов» [42, с. 243]. Четкие диалектные связи этой области, прежде всего с исторически засвидетельствованным в.-луж. диалектным типом, ясно доказывают их общее позднепраславянское происхождение. Только на севере и востоке, благодаря проникающим туда лехитским языковым элементам, стало возможным более сильное языковое смешение с первоначальным древнелужицким диалектным типом. В этом смысле в дальнейшем можно с полным основанием говорить о более или

⁴³ По этому вопросу см. в особенности [76].

⁴⁴ Поэтому излишним является наш скепсис в отношении переселения др.-луж. племен в юго-вост. направлении.

менее единой древнелужицкой языковой области между Заале и Нейсе, которая образовалась в раннем средневековье в результате переселения славянских племен под общим этническим названием *Sorb/Serb*⁴⁵. По-разному высказываемые предположения о том, что этническое название *Serb* (мн. ч. в.-луж. *Serbja*, н.-луж. *Serby*), прочно закрепившееся среди серболужицкого населения Лужицы, было перенесено сюда лишь позднее из западной («собственной») древнелужицкой области [80]; не имеет ни лингвистических, ни исторических доказательств.

Наконец, широкий исторический и сравнительный анализ показывает, что процесс формирования современных западнославянских языков был более сложен и не носил столь монолитного характера, как это принято считать в традиционном славянском языкознании. Последнее все еще односторонне опирается на теорию родословного древа и недооценивает тот факт, что уже в праславянском языке имели место значительные процессы дифференциации, которые оказались исключительно важными для родственных связей возникших позднее отдельных славянских языков.

Перевела с немецкого *Ермакова М. И.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *van Wijk N.* Les langues slaves. De l'unité à la pluralité? Mouton — Gravenhage, 1956.
2. *Furdal A.* Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961.
3. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 11.
4. *Mareš F. V.* Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konca období slovanské jazykové jednoty. — *Slavia*, 1956, XXV, s. 443—495.
5. *Lehr-Splawiński T.* Szkic dziejów języka prasłowiańskiego. — *Studia z filologii polskiej a słowiańskiej*. III. Warszawa, 1958, s. 243—265.
6. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963.
7. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и результаты). — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.
8. *Lamprecht A.* Praslovanština a její chronologické členění. — In: *Ceskoslovenské přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů*. Záhřeb, 1978, c. 141—160.
9. *Lehr-Splawiński T.* O dialektach prasłowiańskich. — In: *Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze*. Praha, 1932, c. 557—585.
10. *Trubetzkoy N. S.* Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen. — *ZfslPh*, 1925, II, S. 117—122.
11. *Stieber Z.* Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956.
12. *Petr J.* K postavení lužické srbštiny mezi západoslovanskými jazyky. — *Slavia*, 1976, XLV, s. 359.
13. *Fasske H.* Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.
14. *Sorbischer Sprachatlas*. Bd. 5. Bautzen, 1976, Karte 8, 117.
15. *Schuster-Sewc H.* Noch einmal zur Behandlung der Liquidaverbindungen *tl, dl* in den slawischen Sprachen. — *Slavia*, 1964, XXIII, 3, s. 365—368.
16. *Schuster-Sewc H.* Historische-etymologisches Wörterbuch der Ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 1. Hf 3. Bautzen, 1978, S. 130.
17. *Sorbischer Sprachatlas*. Bd. 4. Bautzen, 1972, Karte 69.
18. *Lehr-Splawiński T.* De la stabilisation de l'accent dans les langues slaves de l'ouest. — *RÉS*, 1923, III, p. 173—192.
19. *Lehr-Splawiński T.* Z rozważań o powstaniu akcentuacji połabskiej. — *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. IV. Warszawa, 1963, c. 73—102.
20. *Romportl M.* Zur Akzentstabilisierung in den westslawischen Sprachen. — *Zfsl*, 1958, III.
21. *Galabov I.* Ausgliederungsprozesse des Späturslawischen und die südslawischen Sprachen. — Die urslawischen *tj* — Verbindung und ihre weitere Entwicklung. — In: *Wiener slawistisches Jahrbuch*, 1975, Bd. 21.
22. *Мурчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963, с. 138.
23. *Stieber Z.* Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. *Fonologia*. Warszawa, 1969.
24. *Шустер-Шевц Г.* Место серболужицкого языка среди других славянских языков. — ВЯ, 1976, № 6.

⁴⁵ Ср. также [81, с. 155—177, особенно с. 164; 63, с. 203—222].

25. *Mucke E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.
26. *Matthaeus G.* Wendische Grammatica. Budissin, 1721.
27. *Michalk K.* Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962.
28. *Lötzsch K.* Die spezifische Neuerungen der sorbischen Dualflexion. Bautzen, 1965, S. 51—63.
29. *Kronsteiner O.* Ist die Einteilung der slawischen Sprachen in ein Ost-, West- und Südslawisch gerechtfertigt? — In: Österreichischen Namenforschung. Zeitschrift der Österreichischen Gesellschaft für Namenforschung. Wien, 1977, Hf. 2.
30. *Mareš F. V.* Interferenz der Weichheit und der Stimmbeteiligung im Slawischen. — In: Wiener slawistisches Jahrbuch., 1976, 22.
31. *Taszycki W.* Stanowisko języka łużyckiego. — In: Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski. II. Kraków, 1928.
32. *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
33. *Mladenov St.* Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1929. = *Младенов Ст.* История на български език. София, 1979, с. 25—26.
34. *Бернштейн С. Б.* К изучению польско-югославянских языковых связей. — In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 1965, 5, s. 33—36.
35. *Куркина Л. В.* Южные славяне и паннонская теория Копитара. — ВЯ, 1981, № 3, с. 92—93.
36. *Schuster-Sewc H.* Stosunek pokrewieństwa języków łużyckich i języka polskiego (Na tle ogólnosłowiańskim) — In: In memoriam Casimiri Nitsch. Księga w stulecie urodzin. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, s. 93—94, примеч. 8.
37. *Schuster-Sewc H.* Zur Stellung des Niedersorbischen im Rahmen des Westslawischen (die Entwicklung der ursl. reduzierten Vokale **u*, **ь* und der silbischen Verbindungen **ur*, **vr*, **zl*, **yl*). — In: Lëtopis Instituta za serbski ludospyt, 1978, Rjad A, c. 25/2.
38. *Schuster-Sewc H.* Historia języków łużyckich i sprawa jej periodyzacji. — PF, 1977, XXVII, s. 389—399.
39. *Schuster-Sewc H.* K prašenju řečného přiwuznistwa mjez lužiskej serbšćinu a čěšćinu. — Slavia, 1981, № L.
40. *Coblentz W.* Archäologische Bemerkungen zur Herkunft der ältesten Slawen in Sachsen. — In: Arbeits- und Forschungsberichte zur städtischen Bodendenkmalspflege, 1964, Bd. 13.
41. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich der Oder und Neisse vom 6.—12. Jahrhundert. 3. Aufl. Berlin, 1974, S. 7—39.
42. *Brachmann H.* Slawische Stämme an Elbe und Saale, zu ihrer Geschichte und Kultur im 6. bis 10. Jahrhundert. Auf Grund archäologischer Quellen. Berlin, 1978 (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte, № 32).
43. *Udolph J.* Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slawen. Mit zwei Karten. — In: Beiträge zur Namenforschung, Neue Folge. Heidelberg, 1979, Bd. 14, Hf. 1.
44. *Mucke E.* Die Grenzen des sorbischen Sprachgebietes in alter Zeit. — AfslPh, 1904, XXVI, S. 543—549.
45. *Moravcsik Gy.* Constantino Porphyrogenitos De administrando imperio. Budapest, 1949.
46. Słownik starożytności słowiańskich, 1975, Bd. 5.
47. Słownik starożytności słowiańskich, 1961—1962, Bd. 1, s. 255.
48. Słownik starożytności słowiańskich, 1967—1968, Bd. 3, s. 155 (Łomkowie).
49. *Ноеакович П.* Одакле су Срби дошли на балканско полуострво. Београд, 1973, с. 30.
50. *Eichler E.* Sorbisch-tschechische Beziehungen in eingedeutschen Ortsnamen, Deutsch-Tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur. Berlin, 1965.
51. *Schwarz E.* Die einstige obersorbische-tschechische Grenzzone. — AfslPh, 1927, Bd. IXL, S. 37—42.
52. *Bělič J.* Některé hláskoslovné zhody česko-lužickosrbské. — In: Lëtopis Instituta za serbski ludospyt., 1976, Rjad A, c. 23/2, s. 161—170.
53. *Bělič J.* Nástin české dialektologie, Praha, 1972, s. 25.
54. Słownik starożytności słowiańskich. 1975, Bd. 5, s. 146.
55. *Preidel H.* Die Anfänge der slavischen besiedlung Böhmens und Mährens. Bd. II. München, 1957, S. 39—41.
56. *Eichler E.* Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neisse. Berlin, 1965.
57. *Eichler E., Walther H.* Die Ortsnamen im Gau Daleminze. Bd. I. Berlin, 1966; Bd. II, Berlin, 1967.
58. *Körner S.* Die patronymischen Ortsnamen im Altsorbischen. Berlin, 1972, Karte 14.
59. *Schuster-Sewc H.* Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958.
60. *Eichler E., Walther H.* Studien zur historischen Toponomie des Mittelsaale/Weisse Elster-Gebietes. — ZfSl, 1981, 26 (3), S. 353.
61. *Eichler E.* Zur Herkunft der Slawen im Elbe-Saale Gebiet. 1. Tschechisch-sorbische Parallelen in der Toponomastik. — In: Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalspflege, 1964, Bd. 13, S. 285—295.
62. *Eichler E.* Die Gliederung des altsorbischen Sprachgebietes im Lichte der Namenforschung. — In: Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1968, S. 23—27.
63. *Schuster-Sewc H.* Das altsorbische Dialektgebiet und seine sprachliche Stellung im

- Rahmen des Westslawischen.— In: Lětopis Instituta za serbski ludospyt, 1972, Rjad B, č. 19/2.
64. Wirth P. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Leipzig, 1933 (Textband und Kartenband); 1936 (Textband, Lief. 2).
 65. Sorbischer Sprachatlas. Bd. 1—7, 11. Bautzen, 1965...
 66. Bathe M., Fischer R. E., Schlimpert G. Zur sorbisch-polabischen Sprachgrenze zwischen Elbe und Spree.— In: Beiträge zum slawischen onomastischen Atlas. Theodor Frings zum Gedächtnis. Berlin, 1970, S. 109—121.
 67. Schuster-Sewc H. Rozwój fonologiczny dolnołużyckiego systemu wokalicznego.— In: Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1965, s. 401.
 68. Schroeder H. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz. Tübingen, 1968, S. 27.
 69. Schuster-Sewc H. Die Genese des aspirierten Konsonanten *k^h* im Obersorbischen. Ein Beitrag zur historischen Phonologie des Westslawischen.— In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1972, 25, Hf. 4—5, S. 363.
 70. Moszyński K. Najstarsze różnicowanie dialektyczne prasłowiańszczyzny.— *Slavia orientalis*, 1980, № 1—2.
 71. Muka E. Słownik dolnosorbiskej řečy a jede narěcow. Bd. 1. Petersburg, 1911—1915; Bd. 2, 3. Praha, 1926—1928.
 72. Schuster-Sewc H. O charakterze dawnych łużycko-polskich gwar przejściowych na terenie dolnego Śląska.— In: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Rozprawy Komisji językowej, 1965, VII, s. 20.
 73. Nitsch K. Rzekomi Wendowie w Wielkopolsce, Ziemia. Warszawa, 1912, s. 12.
 74. Jentsch H. Die sorbische Mundart von Rodewitz/Spree. Bautzen, 1980, S. 102, kapra 25.
 75. Hauptmann G. Nieder-Lausitzische wendische Grammatica. Lübben, 1761, S. 180.
 76. Schuster-Sewc H. Powstanie i rozwój kategorii męskoosobowości i żywotności w językach łużyckich z uwzględnieniem stosunków w sąsiednich językach słowiańskich.— *Slavia occidentalis*, 1978, 35.
 77. Meyer K. H. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). Text mit Einleitung und grammatischer Bearbeitung. Leipzig, 1923, S. 33.
 78. Schuster-Sewc H. Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung.— In: Slovensko jezikoslovje. Nahtigalov zbornik. Ob stoletnici rojstva. Ljubljana, 1977, c. 437—438.
 79. Schuster-Sewc H. O dwóch łużycko-małopolskich izoglosach (Przyczynek do dialektologii zachodniosłowiańskiej).— *Slavia occidentalis*, 1974, 31.
 80. Hermann J. Die Lusizi im frühen Mittelalter. Ergebnisse und Fragen der Forschung zur Herkunft, Ökonomie und Gesellschaftsstruktur. — In: Lětopis Instituta za serbski ludospyt, 1975, Rjad B, c. 22/1, c. 100—113.
 81. Brankač J. Betrachtungen über die konzeptionelle Anlage und stoffliche Aufgliederung des mittelalterlichen Teiles von Bd. 1 der Geschichte der Sorben.— In: Lětopis Instituta za serbski ludospyt, 1979, Rjad B, č. 26/2, c. 155—157, oboženno c. 164.